

Арабский бублик

Вот так всегда – начнешь писать великую вещь... Ан нет! Не идет. Эйдосы слов, теснящиеся где-то между ребрами и бегущие наперегонки вверх, словно пузырьки газировки, по всем ощущениям должны материализоваться в прекрасный текст. Но на экране монитора отчего-то оказываются совсем не теми, кем обещали стать.

Остается лишь с недоумевающей брезгливостью смотреть на этих неповоротливых гадких утят, несостоявшихся лебедей... Гуси-лебеди, унесите меня в сказку, в теплые края... «Да побывала уже в сказке, погрелась на солнышке. Вон, облезаешь уж вся! Кожу сбрасываешь, аки змея!» - гогочут противные приземленные гуси. И возвращают на Среднерусскую равнину с недостигнутых высот.

А ведь возразить нечего. Да, действительно, была. Действительно, грелась. И даже сходство со змеей - не метафора, а брошка – единственное украшение моей ничем непримечательной биографии.

К слову о сказке. Я уже три года мечтаю побывать в Италии. И два из них еду в Египет. Официальная версия столь непоследовательного поведения – последовательность моего начальства, которое понимает метафору «бесценный талант» буквально. И решительно не желает за него платить.

Истинная же причина гораздо сложнее. И, как учил нас Федор Михайлович, глубже.

Дело в том, что Италия для меня - место историческое. А значит, реальное. Там нужно ходить, шалея от красоты, вдыхая разбавленный пополам с величием кислород. И, шагая по такой же, как и везде, отравленной сиюминутностью земле вечного города, в три шеи гнать крамольную мысль: «Ну вот, сбылась мечта идиотки!»

Египет – это сказка. Первый глоток его сухого кружащего голову ветра действует, словно заботливо приготовленный добрым весельчаком-анестезиологом наркоз: «Оторвись от реальности, деточка! У тебя ее и так постоянный передоз!»

Вдыхаешь раз, другой, третий... И вот в голове, элегантно приоткрыв дверь ногой, возникает вальжная идея: «Все, что начинается здесь и сейчас – неправда. Ты попала в бублик, где события не имеют значения, знака «плюс» или «минус». Тюрьма пятибалльной системы распаивает двери. Так насладись свободой, вечная ээчка-отличница!»

Это арабский бублик. Ставлю на «зеро»!

***

Леденящий душу раскат дверного грома. Ассоциация четкая: так хлопают двери в курской тюрьме, где побывала неделю назад.

Сейчас я в арабской квартире.

Я здесь впервые.

Я здесь одна.

Чтобы справиться с ощущением неуютя, заглядываю в телевизор. Веселые арабские мужчины и женщины поют веселые арабские песни («Это они сейчас танцуют, а потом раздеваться начнут. А ты говоришь: «Мусульманская страна!»).

Телегипноз не действует. Волнение усиливается, эмигрируя в страх. Нервно нарезаю круги по комнате:

«Квартира нежилая. Знаю его четвертый день, причем однажды он меня почти обманул. И вообще, как можно верить арабам? - взгляд застывает на бутылках минералки и пепси на столе. – Оставил мне воды, чтобы я протянула несколько дней! А потом придет араб, которому он меня продал, и...»

Куда я поехала, никто не знает... Сказала, на часок попить кофе. Дура, идиотка, кретинка! Господи, помоги! Клянусь - я больше никогда так не буду!»

Сердце выпрыгивает из груди, начинается тошнить. Ледник ужаса перепихивает живот и ползет выше. Чтобы не потерять сознание от обжигающего истерического холода, бросаюсь к двери и рву ее на себя.

Призрак вечного сексуального рабства рассеивается.
Спокойное лицо смотрит на меня чуть удивленно:
- Что случилось, хаббиби?! Я здесь!

***

-Это настоящие? - спрашиваю у твоего младшего брата - Мухамеда-Али.
Конечно, его зовут не так. Но в этом прелесть Египта: никому, в сущности, нет дела до имен. В многолюдной пустыне, где люди-песчинки ускользают из рук (какие уж тут имена, удержать бы в памяти носителей!), гораздо естественней обходиться без них.

Хорошо-то как, Маша! Не Маша? Да какая разница, лишь бы хорошо!

-Это настоящие? - повторяю свой вопрос, тебе связку «железобетонных» бубликов. И, склеивая в сознании видеоряд египетской сказки, заканчиваю диалог твоей репликой:

-Это – только часть моих подарков. Квартира родителей завалена сувенирами. Приходишь, как в русский дом!.

Ты никогда не видел русских домов, и, конечно, не знаешь, что там днем с огнем не сыщешь ни матрешек, ни деревянных ложек, ни бубликов, привешенных к потолку. Даже картинки с презервативами под стеклом – сувенир не менее традиционный, чем матрешка (слава богу, наши предки не знали контрацепции. Поди, не было бы у нас этих пузатых красавиц, вечно беременных идей продолжения рода!) – редко украшают стены русской квартиры.

Возможно, ты убедишься в этом позже - ваш Аллах, как и русский Бог, любит шутить. Пока же на вопрос, когда в Россию, хитро поднимаешь вверх правую бровь:

- А я там буду богатенький? Нет?! Тогда нафига?!

Тебя зовут Макс. Точнее, Ахмед. Но об этом, кажется, забыли все, начиная с тебя самого.

Три года назад ты запустил в движение страшный механизм - избушку на курьих ножках, набитую диковинными травами. Но, заигравшись в гостеприимного шамана, забыл волшебную команду, по которой она принимает статичное положение.

Теперь избушка вертится, будто злой прохожий угостил ее не маслицем, а ракетным топливом. Ты вращаешься вместе с ней в головокружительном хороводе шуток-прибауток, на безумной скорости своей пулеметной речи. Говоришь ты на смеси...нет, не ломанного... Скорее, филигранно выгнутого русского и виртуозного мата. Острые словечки украшают твою неподражаемую речь, как бриллианты - расписанный под хохлому кафтан.

Ты - китч. Твой магазин, где красивые скляночки с эссенцией французских «Jodo» соседствуют с футболками «Dolche&Gabana» и бедуинским чаем - китч. Да что, там, Макс, вся твоя жизнь – китч!

Но! Русские готовы заплатить за арабскую подделку гораздо дороже, чем за постылую подлинность своих соотечественников. Да, да, мы дорого дадим, чтобы нас обманули. Но только - чур по-настоящему. Чтобы ни на секунду не возникло сомнений, что именно с нами ты был кристально честен, именно нас ты выбрал из тысяч других. Оформил дарственную на кусочек сердца.

Словом, Макс, мне ли тебя учить? Надуй нас, как умеешь только ты!

***

Разъяренное солнце палит так, словно решило не просто нанести удар, а разом отправить всех в глубокий нокаут. Белая посуда, гордо именуемая «корабль», тошнотворно покачивается. «Творит тошноту»... Восхититься бы замысловатостью филологической виньетки, да сил нет.

...Морская болезнь.

Мы – «группа Максима» – сидим на яхте, пустыми взглядами уставившись... в пол, воду, на горизонт – кто куда! Молчим. Самые бодрые меланхолично кормят рыбок тестом. Самые страждущие – съеденным с утра завтраком.

За это «удовольствие» каждый из нас заплатил по 25 долларов.

- И масло от обгорания, которое Максимка продал, не помогло, - нарушает тишину горькая ирония голубоглазого сибиряка.

Детские глаза - совсем как у обиженного мишки, которого положили на пол, оторвали лапу и бросили, наплевав, что он хороший... Да и зовут-то его, кстати, Мишкой.

Как и все остальные, он никогда не признается, почему на самом деле купил эту экскурсию. Слабо угадать с одной попытки? Даю подсказку: ты клятвенно обещал плыть с нами.

Теперь над яхтой - палящее солнце, под - ледяная вода, а на - качка. Но повода обвинить тебя во лжи нет: море – хоть залейся, рыбки – будут сниться в кошмарах, Райский остров – через полчаса.

Но горло царапает сухая констатация факта: «На мне, доверчивой дуре, просто нажились!».

Или ты думаешь, мы ради этих чертовых рыбок ехали на экскурсию? Брось, хаббиби, сам знаешь: мы приехали за твоим общением, обаянием и (ты будешь смеяться) - душой! Русские, знаешь ли, – удивительно душевные люди! Нам не интересно, когда Психея не при делах.

Уловив это чутьем прирожденного торговца, ты запасся сотней бутафорских душ. И подарил каждому из нас свою – вместо жука-скарабея, которые впаривают в других лавках.

Но туристов, в каждом из которых живет маленький Люцифер, не проведешь. Мы не хотим тащить домой дешевый маскарадный костюм. Но - норовим оторвать на память кусочек кожи.

Каждый раз, преодолевая препятствие - очередного доверчивого «друга» - едва ли отдаешь себе отчет, как он царапает тебе душу, словно крестовина - брюхо измученному конкуренту арабскому скакуну.

Через пару дней, конечно, уже не вспомнить ни имен, ни лиц .... Но остаются шрамы. И десятки фотографий под стеклом стола в твоём магазине.

- Интересно, ты хотя бы примерно помнишь who is who?

- Да, у меня очень много русских друзей, - уклончиво отвечаешь ты. И вдруг: - А сколько вы дружите?

- Уже 6 лет! – отвечаем хором.

- Кошмар! Как можно так долго дружить?!

- Это и есть настоящая дружба, Макс! А у тебя в России – не друзья, а так - знакомые.

- Да, наверно. В России... И здесь.

Попсовый мотив «веселого Макса» исчезает.

***

- Сегодня еду с туристами по пустыне. Сзади сидит девушка. Вдруг видим - в пустыне брошенный квадроцикл. Она спрашивает:

-Что это?

-Это обычное дело, - говорю. - На группу, которая ехала перед нами, напали бедуины. И, чтобы они пропустили ехать дальше, им отдали самую красивую девушку. Это нормально. Так бывает.

Я корчусь от смеха на красном диване твоего магазина. Как артист на сцене, подзаряжаешься энергией зрителя и продолжаешь:

- У нее - воот такие глаза:

-Ты это серьезно?.

Я говорю:

-Конечно! Ко мне тоже подъезжали бедуины:

-Отдашь девушку?

- Еб твою, да забирай!

Какой-то умный дядька сказал, что мат – свидетельство духовности русского народа. Слушая, как ты матерись, предпочитаю обжигающий, воплощенный в искорках твоих лукавых глазах русский мат холодному американскому, заключаю - ты духовен! И ловлю себя на том, что принимаю тебя совсем за своего - за русского, отчего-то потерявшего способность произносить твердую «л».

Флиртуя (высшее признание равенства!):

- Они похищают самых прекрасных девушек?

-Конечно! Почему, думаешь, у бедуинов рождаются дети с зелеными глазами?

Надо же, заметил. Китчевый амур, продрал глаза на верхней полке с футболками, даже спросоня не промахивается...

«А остальное можно сказать друг другу глазами»...

И где его учили так оттачивать стрелы?

Мы обмениваемся долгими взглядами на русском. Ты прошел тест на знание языка. Я влюбляюсь: безоглядно и навсегда.

А разве в сказках влюбляются по-другому?

***

Приходит ночь. Я засыпаю в своей постели. Обгоревшее тело впитывает сметану под одеялом, а бессмертная душа на цыпочках выходит из объятого пламенем жилища. С минуту любитесь обнаженной красотой телесного пожара и - штопором ввинчивается в размякшую от неги египетскую ночь.

Здесь, на высоте полета слепых ласточек, сбежавших из чертога теней, заканчивается видимость. И начинается душезрение.

На диванчике у отеля – русский дедушка. Из тех, кого отправили на отдых заботливые детки. Путевка, как «Комет» для очистки совести: отдал бабки - отправил деду в Египет – выполнил сыновий или дочерний долг. Застарелая ржавчина редких звонков и не встреч по выходным - растворилась.

А дедушка-гипертоник, не в силах отказаться от подаренной чадом путевки, очень старается быть счастливым. Когда-то, в прошлой жизни, он чувствовал счастье от каждой сотворенной его малышом в детском саду открытки. Они не стоили ни копейки. Но радости приносили в сто раз больше, чем теперь - дорогушие путевки.

Отчего – старик старается не задумываться. И чтобы отвлечься, внимательно слушает рыдающего незнакомого парня, который отведал местный гашиш.

«Ну почему так?!» - с мольбой глядя дедушке в глаза, мычит молодой теленок.

Официальный повод пьяной мужской истерики – несовершенство мира, война, которая не стоит детской слезы или - очередная Грушенька, inferнальница, что совсем его, проклятая, измучила.

Но настоящая причина, как нас учил Федор Михайлович, гораздо глубже.

Белым мужчинам на Востоке есть от чего разрыдаться. Они растерянно хлопают глазами, глядя, как сквозь их милых Ев вдруг начинает просвечивать что-то грубое, дозаветное, даже досотворенное. Как, обжигая насмешливым взглядом, они превращаются в строго запрещенных техникой мужской безопасности огнеоких Лилит.

...А ночь лоснится от желания, как масло на коже темных арабов. Сегодня новая порция белокожих женщин отбросит остатки приличий, и парадно-выходное белье затрещит по швам в крепких темных руках. Две энергии схлеснутся в любовном поединке и, назло Христу и Мухаммеду, отпразднуют общую победу.

Обычные русские бляди, жаждущие больших размеров, и доверчивые синие чулки, что верят словам любви просто из боязни никогда их больше не услышать. Уличные торговцы не берут на себя труд даже запомнить имя. Но ради приличия меняют оскорбительную Наташу на чарующее «хаббиби».

Какая разница, как это выглядит внешне?! Важно, что кипит внутри. А там – зелье муже-женского, формулу которого так бездумно подменили гламурной закорючкой инь-янь. Нет, даже в великой Поднебесной не родился еще мудрец, способный дать человечеству последнее откровение алхимии эроса.

А значит, каждый из нас идет искать самостоятельно. Кто не спрятался – я не виновата.

...Пьяная София в экстазе пляшет вокруг ритуальных костров пылающей плоти. И расширяясь до бесконечности предела, чувствует себя часть всего, и все – частью себя. Плачущие мальчики, запертые в номерах спящие дети, отжигающие на дискотеках мамы и позабытые через секунду клятвы вечной любви – все это – ее продолжение, ее порождения. И вот сама восточная ночь, где душа была только гостьей, становится ночной стихией, ее сердцем и сущностью.

Утром отозвавшееся на оклик будильника сознание, конечно, ничего не расскажет о похождениях души. Как не сохранит и хроники тысяч прожитых во сне жизней...

***

- Я очень спокойный человек. Но все же хотят «ха-ха», - с какой-то безнадежной насмешкой скажешь мне в ночь перед отлетом ты.

- Что делаешь, когда не хочется «ха-ха»?

- Видела меня сегодня днем? Когда у меня бывает такое настроение, я просто ухожу из магазина и несколько часов сижу один. А если психика совсем закипает, беру отпуск и еду отдыхать....

Сверяю часы. Если бы я пожила твоим ритмом, у меня через два дня отказало бы сердце. Или отключились мозги. «Русский хитрый, русский жадный»... Я - Плюшкин, прячущий сундук с барахлом внутреннего мира подальше от посторонних глаз - с ужасом смотрю на тебя, который себя разбазаривает.

Не понимаю, как ты живешь. И люблюсь, как непостижимым Египтом.

Мне нравится ваша страна. В ней нет букв. Но какое разнообразие звуков! В ней мало ума. Но много чувства. В ней нет литературы. Зато есть жизнь.

Пусть это бредни испорченной буквоедством девочки, но кажется, именно книжность - причина заката западной цивилизации.

Мы уже отрефлексовали свой Золотой и Серебряный век, пережили модерн и постмодерн. Вот уже ядовитым закатным солнцем восходит над Европой afterпостмодерн. А дальше? Пост, after, нео, квази - приставки погребальным курганом лягут на глазницы европейца, который давно уже научился видеть нормальную, простую, человеческую жизнь. Силась разглядеть хоть что-нибудь во тьме вечного экзистенциального кризиса, он, как гоголевский Вий, выдохнет: «Поднимите мне веки!». Но тут придет новый мудрец и положит на вершину кургана любовно натертый до блеска философский камешек...

А над вами – солнце счастливого незнания. Вероятные Пушкины и Гоголи бегают по улицам, не парясь над сочинением поэм. Какие поэмы? Прокормить бы себя, облапошить туриста!

Вы живете мгновениями. Мы – веками, нежно лелея в своих головах тараканов всех великих – от Платона до Эльфриды Елинек.

Мои попытки взвалить тебе на плечи часть интеллектуального груза (не все же нам страдать?) с треском проваливаются.

- Надо больше читать, у тебя же потрясающее чувство языка!» - голосом русской Мариванны вещаю я.

Ты смущаешься перед умной русской бабой, но твердо даешь понять: в гробу видал я твои книжки!

Поразительное, однако, чувство самосохранения!

***

-Ты сделаешь мне вызов?

-Посмотрим.

- Даже не хочешь, чтобы я приехал?

- Макс, я хочу, но...

-А у вас есть, что посмотреть?

-Нуууу... в соседней области панорама Курской битвы. Прохоровка. Решающее сражение Второй мировой. Гитлер, - за несколько секунд я конструирую целую поисковую систему, дабы найти отклик в паутине твоего сознания.

Неловкая пауза.

-А у вас рыбалка есть?

-Да, - обалдело отвечаю я.

- Этого будет достаточно, - счастливая улыбка. – Я рыбалку люблю.

***

-Макс, пожалуйста! Макс, не гони так!

Я впиваюсь в твою руку: внутри все замирает от восхищения и ужаса. Только здесь понимаешь - русские не любят быстрой езды. Потому что просто не знают, что это такое.

«О, как самоубийственно мы ездим!» - наверняка переписал бы строчку Тютчев, хоть раз прокатившись в твоём «Шевроле». Если бы, конечно, вышел из него живым.

В манере вождения – оправдание нации. Как можно требовать уважения к другим от тех, кому плевать на собственную жизнь?

- Моя семья со мной не ездит! – приободряешь ты.

- О Господи! – кричу.

Да и попробуй тут не закричать: прямо нами - вдруг вильнувшее с правой полосы такси.

-А вот так ездят придурки! – орешь ты, одновременно нажимая на сигнал и педаль тормоза.

Но уже через минуту мы снова летим по узкой, напичканной машинами дороге. До аварий - миллиметры. Но, подобно героям нереальных экшенов, выходим невредимыми из каждой предгробовой ситуации.

Сегодня - ночь кинематографа. И глядя на калейдоскоп вылетающих навстречу планов ночного города, не могу избавиться от ощущения голливудского фильма, хэппи-энд которого давно предсказан.

А значит - чего же бояться?

– Макс, можно помедленнее? Я еще нужна Родине, меня там ждут, - кокетничаю я.

- Много людей ждут? – глубокий взгляд.

- Много! – делаю вид, будто не замечаю подтекста.

Сказочному принцу хочется, чтобы у принцессы не было других. Но принцесса – та еще строптивая гордячка - желает, чтобы во всех точках земного шара круглосуточно работали приемные пункты принцев.

И - километровая очередь перед каждым!

- Знаешь, я только вчера понял, что ты мне нравишься...

- Ха!

-Что значит «ха»?!

-«Ха» – это...Ну, не знаю, - ошарашена мыслью, что на земном шаре есть мужчины, которым нужно переводить мое коронное «ха?!» - Наверно, это обида, что ты так поздно понял.

- Понимаешь, каждый месяц я вижу тысячи девушек. А когда чего-то много, к этому привыкаешь. Но потом появляется одна. Утром проснулся – думаешь о ней. А потом еще днем, и вечером, и утром опять. И понимаешь: «Блин! Это какая-то фигня!».

Окунаешь меня в мокрый арабский поцелуй. В нем нельзя утонуть. Но запросто можно захлебнуться.

Пометка в листке дегустатора: «настоящие арабский поцелуй, как настоящий арабский кофе – не мое».

***

Выходим из кафе. Сажаешь меня в машину. Глядя на подсвеченную фонарями-софитами улицу, еще острее ощущаю кинематографичность этой ночи. И совсем не удивляюсь, когда к нашей машине подбегает ангел.

Он маленький, в белой, как и полагается ангелу, рубашке. Тебе по пояс, словно обычный ребенок. Но от его детской улыбки исходит такой свет, что сомнений нет – это ангел, надевший костюм арабского мальчишки.

Нет- нет, о том, что это - настоящий арабский мальчишка, не может быть и речи! У ваших мальчишек не бывает таких лиц. Те деловые, расчетливые. Каждый взгляд – выстрел в цель. Бинго! Бинго! Черт, промахнулся! Йес! И снова мимо!

А этот восторженно смотрит на улицу, как будто про себя поет осанну.

Ты подходишь к ангелу. Он смотрит на тебя с обожанием. Вы говорите по-арабски. А, может быть, на каком-то своем, небесном наречии.

Сначала ты напоминаешь мне Остапа Бендера, решившего поболтать с одним из своих беспризорников. А потом – гораздо более Великого комбинатора. Из ранга архангелов, который пришел проведать невинную душу, что сегодня первый день поступила на службу к Всевышнему.

Наверно, для первого раза ты дал ему какое-нибудь совсем легкое поручение – послать всем добрым детям сказочные сны, подарить покой тем, у кого за стенкой дерутся алкоголики-родители, и утешить бедняг, которым не могут купить даже самую дешевую игрушку.

Судя по твоему довольному лицу, маленький ангел справился с задачей.

Поэтому на земле сейчас полный покой. Ни одна детская слеза не катится на подушку, никто не сжимает в руках крестик, прося Бога, чтобы мама и папа не разводились, а в школе не травили одноклассники. В награду за отлично сделанную работу, ты разрешаешь ему самому послушать сказку у чьей-нибудь постели. И кладешь в руку монетку: ангелы ведь тоже едят мороженое.

Возвращаешься ко мне. Я давно не видела ни у кого такого преисполненного благоговением, такого восторженно-умиленного лица:

-Представляешь, ему всего шесть лет! А он уже моет машины!

***

Ты отчаянно борешься с нищетой. По здешним меркам, неплохо живешь, и, кажется, уже выбрался из нее навсегда. Но страх перед бедностью у тебя в крови. Всю жизнь будешь убегать от нее – старухи с косой.

Да, это у нас так рисуют смерть. А здесь смерть совсем другая: загорелая дородная дама приходит, весело подмигивая: «Ну что, хаббиби, собирайся!» Во время своих безумных гонок, в ночных драках по пустыкам или разборках из-за бабла – вы уже привыкли к поддельному золотому звону ее монист. В конце концов, со смертью можно сторговаться – вам не привыкать.

А вот старуха с косой неумолима. Оттого страх ее присутствует везде. Даже в твоём элитном доме, где подъезд с вахтером, удивительная, нищенская грязь, словно прихваченная с собой как напоминание о жизни в бедных кварталах.

В подъезде - ужасная вонь. Внезапный прилив национальной гордости: в наших подъездах пахнет кошками. В ваших – людьми.

***

- А теперь я покажу тебе балкон!

Не слово, но интонация берет в плен мое внимание. По тому, как ты говоришь, чувствую: балкон – цель и смысл этой квартиры. Центр твоей двухкомнатной вселенной.

- С видом на море, - с хвастливой торжественностью добавляешь ты, распахивая дверь.

В нос бьет запах мочи, помоев и прочих продуктов жизнедеятельности человеческого элемента. Напротив – соседняя многоэтажка. «Шоу за стеклом». Совсем как у меня в России!

-Макс, а где море?! – чуть ли не плачу я, как ребенок, которому пообещали вкусное яблоко и подсунили восковой муляж.

- Нельзя уже помечтать?

Как хорошо, что в комнате темно. Детская беззащитность этой фразы не выдержала бы яркого света. Сердце потихоньку сбивается с шага. В горле – сгусток нежности и жалости.

Шероховатые ладони с крошечными сухими бугорками - твоими руками ко мне прикасается паника. Я знаю, что через пару часов вынырну из этой ночи. А пока, как дайвер Лукьяненко, шепчу про себя: «Глубина, глубина, я не твой». Граница нашего водораздела – заветная черта близости людей, открытая Ахматовой. Главное не переступить ее, не наобещать лишнего, не делать того, чего не одобрила бы моя мама.

Макс, ты же инструктор по дайвингу. Я не выдерживаю такого давления. Макс, Макс, подожди....

***

Ты вспоминаешь о своей девушке. Той самой, с которой прожил три года.

-Так смешно жили! Она ку-ку, и я ку-ку. Прихожу домой, а она бежит, собирает вещи:

- Мы едем отдыхать!

-Куда отдыхать? Мне завтра на работу!

Но - собирались и ехали.

Нежный, набегающий ласковыми волнами голос. В них играют разноцветные рыбки – нежности, любви, теплоты.

-Макс, ну ты же до сих пор ее любишь!

-Нет, с ней все, - пилой по металлу (металлические звуки в голосе) отрезаешь ты.

- Мне нужен другой человек. И для этого человека я сделаю все. Но - ее надо найти. И я знаю, что это точно будет не египтянка. Я их ненавижу. А тебе повезло! Ты встретила сумасшедшего, который найдет тебя, даже если будешь жить в Китае!

-Макс...

- Тихо! Больше ничего! Мне нравится, как ты говоришь Макс...

***

- Why?

На этот лаконичный мужской вопрос я отвечаю невоспроизводимым монологом девушки с претензией на философский склад ума. Теги: «физиология», «мораль», «невозможно объяснить».

Ты долго слушаешь, а потом выдаешь на безупречном русском:

- То есть как женщина ты хотела, но мозг тебе помешал?

И видя мои изумленные глаза, резюмируешь:

-По-моему, тебе его просто не так положили.

***

- Учись расслабляться, хаббиби. Здесь ты отдыхаешь, тебя никто не знает. А там – реальность: люди, работа, проблемы.

Ты, как всегда, прав. Я сижу в аэропорту с розой «для самой красивой девушки в Хургада». И с грустью думаю о том, что уже завтра меня затянет русский бублик – огромная черная дыра обыденности. Десятки километров по замкнутому кругу предвкушений, встреч, расставаний, забот, разочарований... В ожидании очередного отпуска, когда я соберусь в Италию. И снова поеду в Египет.

Для чего я сюда приезжаю? Официальная версия – восстановить силы. Но истинная причина, как ты, надеюсь, запомнил, по Достоевскому. То есть - гораздо сложнее и глубже.

Что-то происходит с нами в этих других мирах, куда мы мчимся, словно мотыльки на огонь в надежде пережить то неповторимое и неповторяющееся. То, что ломает рамки пресного бублика.

В этот отпуск со мной случился ты. А с тобой случилась я. И это здорово. Ведь, когда с человеком случается человек, – это уже сказка.

А тебя-то, при всей изворотливости, все-таки не миновала чаша литературного героя! Подумал о моем свежее испеченном «Бублике»? Нет, хаббиби, ты забыл – в России обо всем написано задолго и надолго вперед. И, открыв дома томик Цветаевой, мы с тобой узнаем самое важное: «Макс был не только героем, но и местом действия сказки...»

А посему... Прощай, мой лукавый в мелочах, но искренний в главном, щедрый на ласки и жадный до денег Египет! Когда-нибудь, возможно, я снова посмотрю в твои смеющиеся глаза и прочту...

Нет, лучше – услышу.